

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY



УДК 94(36)

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.1>В. Ю. Апрыщенко
М. А. МартыненкоВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
КЛЮЧЕВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ РЕГИОНА

Статья посвящена видоизменению коллективной памяти восточноевропейского пространства в контексте крушения социалистического лагеря. Авторы дают характеристику мнемоническому ландшафту Восточной Европы, обращая особое внимание на семантическую зависимость региона от трагических событий XX в.: Второй мировой войны, Холодной войны, революций 1989 г. Демонстрируется взаимосвязь между региональными процессами нациостроительства и коллективной памятью об указанных событиях. Анализируются работы зарубежных и отечественных аналитиков, посвященные коммеморациям на территории региона. В фокусе внимания исследователей находился преимущественно завершающий этап посткоммунистического транзита в Восточной Европе, в рамках которого новые национальные правительства обсуждали травматические аспекты собственного прошлого, учреждали институты памяти и участвовали в «войнах памяти». Специальные исследования, затрагивающие проблему видоизменения восточноевропейских коммеморативных трендов в 1980-е гг., по-прежнему появляются достаточно редко. Отмечается, что начальный этап посткоммунистической трансформации до сих пор не становился объектом комплексного исследования по причине отсутствия теоретической рамки, пригодной для изучения мемориального пространства в 1980-е гг. Авторы отмечают эвристический потенциал концепции «режимов памяти», предложенной М. Бернхардом и Я. Кубиком. Исследователи обратили внимание на то, что тип «режима памяти» неразрывно связан с политическим режимом,

который обуславливает конфигурацию акторов, действующих в сфере политики памяти. Помимо этого, выдвигается гипотеза, что концепт «контр-памяти», предложенный М. Фуко, может позволить более детально изучить альтернативные исторические нарративы, которые конструировались противниками коммунистических властей во время конфронтации 1980-х гг., а после крушения социалогеря стали главенствовать в политике памяти большинства государств Восточной Европы. Авторы приходят к выводу, что конвергенция методологических подходов из области транзитологии и концептов коллективной памяти может открыть новые возможности для изучения мемориального пространства региона. В частности, выявить динамику деятельности акторов, участвующих в процессе конструирования национальных нарративов, а также уточнить роль исторических дискурсов в стратегиях деятельности всех сторон конфронтации периода демократического транзита.

Ключевые слова: коллективная память, политика памяти, Восточная Европа, посткоммунистическая трансформация, режимы памяти, национальные нарративы, демократический транзит.

Для цитирования: Апрыщенко В. Ю., Мартыненко М. А. Восточная Европа в эпоху посткоммунистической трансформации: ключевые подходы к изучению коллективной памяти региона // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С.181–186. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.1

Victor Yu. Apryshchenko
Mikhail A. MartynenkoEASTERN EUROPE IN THE ERA OF POST-COMMUNIST TRANSFORMATION: KEY
APPROACHES TO THE STUDY OF THE COLLECTIVE MEMORY OF THE REGION

The article is devoted to the modification of the collective memory of the Eastern European space in the context of the collapse of the socialist camp. The authors characterize the mnemonic landscape of Eastern Europe, paying special attention to the semantic dependence of the region on the tragic events of the XX century: the Second World War, the Cold War, the revolutions of 1989. The interrelation between the regional processes of nation-building and the collective memory of these events is demonstrated. The article analyzes the works of foreign and domestic analysts

dedicated to memorable dates in the region. The focus of the researchers' attention was mainly on the final stage of post-communist transit in Eastern Europe, in which the new national governments discussed the traumatic aspects of their own past, established memory institutions and participated in «memory wars». Special studies dealing with the problem of the modification of Eastern European commemorative trends in the 1980s still appear quite rarely. It is noted that the initial stage of the post-communist transformation has not yet become the object of a comprehensive study due to the lack

of a theoretical framework suitable for studying the memorial space in the 1980s. The authors note the heuristic potential of the concept of «memory regimes» proposed by M. Bernhard and Y. Kubik. The researchers drew attention to the fact that the type of «memory regime» is inextricably linked with the political regime, which determines the configuration of actors operating in the field of memory politics. In addition, the hypothesis is put forward that the concept of «counter-memory» proposed by M. Foucault may allow for a more detailed study of alternative historical narratives that were constructed by opponents of the communist authorities during the confrontation of the 1980s, and after the collapse of the socialist camp began to dominate the memory politics of most Eastern European states. The authors conclude that the convergence of methodological approaches from the field of transitology and concepts of

collective memory can open up new opportunities for studying the memorial space of the region. They are as follows: to identify the dynamics of the actors involved in the process of constructing national narratives, as well as to clarify the role of historical discourses in the strategies of activity of all parties to the confrontation of the period of democratic transit.

Key words: collective memory, politics of memory, Eastern Europe, post-communist transformation, memory regimes, national narratives, democratic transit.

For citation: Apryshchenko V. Yu., Martynenko M. A. Eastern Europe in the era of post-communist transformation: key approaches to the study of the collective memory of the region // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P.181–186. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.1

За последние несколько десятилетий территория Восточной Европы превратилась в особое мнемоническое пространство, внутри которого сосуществуют антагонистические исторические нарративы и происходят перманентные «войны памяти». По словам Тины Розенберг, этот регион представляет собой место, «населенное призраками прошлого» [14, р. 395]. Соглашаясь с такой оценкой, отметим, что указанное положение восточноевропейского региона обусловлено целым рядом причин, неразрывно связанных с событиями XX в. Многомиллионные потери в ходе Второй мировой войны, отсутствие субъектности на протяжении конфронтации времен Холодной войны, а также «бархатные революции» 1989 г. – лишь то немногое, что заняло прочные и неоднозначные позиции в коллективной памяти многочисленных сообществ, образовавшихся в результате распада социалогеря. Кроме того, посткоммунистическая трансформация, начало которой было положено в 1980-е гг., по сей день оказывает влияние на социокультурные аспекты жизни граждан, населяющих государства Восточной Европы.

В ходе противостояний 1980-х гг. в регионе активизировались процессы нациостроительства, неотъемлемой чертой которых являлась проработка собственного прошлого. Процесс конструирования национальных нарративов постоянно сопровождался трудностями, обусловленными неготовностью формирующихся элит разделять ответственность за преступления предыдущих режимов. Заметим, что на этой относительно небольшой территории, не считая Российскую Федерацию, проживают десятки народов, представители которых не всегда были готовы придерживаться общего взгляда на прошлое. Более того, наличие многочисленных конфессий и неравномерность политического развития являются немаловажными факторами, усложняющими мемориальный ландшафт и без того сложного с точки зрения комемораций пространства.

События 1980-х гг., запустившие процесс демократизации государств Восточной Европы, способствовали не только кардинальным социальным, политическим и культурным изменениям в регио-

не, но и стимулировали академические дискуссии в области memory studies. Значительная часть зарубежных и отечественных аналитиков сходятся во мнении, что на сегодняшний день не существует более мемориально наполненного пространства, чем Восточная Европа [13]. При этом авторы все более часто отмечают необходимость в теоретическом осмыслении процессов, происходивших в политике памяти региона во время посткоммунистической трансформации [12, р. 13–20].

Академическая традиция изучения коллективной памяти восходит к лекции французского философа Эрнеста Ренана «Что такое нация?», прочитанной в Сорбонне в 1882 г. [3]. Он впервые указал на то, что коллективная память может рассматриваться как источник консолидации нации. Помимо этого, Э. Ренан подчеркнул значение забвения для конструирования национальных нарративов. По мысли автора, исключение определенных событий из коллективной памяти сообществ является более эффективной практикой, нежели стремление к поиску объективной информации о прошлом [3, с. 92]. Другой французский исследователь, социолог Морис Хальбвакс, отмечал специфику коллективной памяти по сравнению с памятью индивидуальной, подчеркивая социальный контекст коллективных представлений о прошлом [6, с. 24–27]. Идеи М. Хальбвакса стимулировали исследования политики памяти, поскольку «социальные рамки памяти», о которых рассуждал ученый, являются в том числе результатом целенаправленных действий, связанных с регулированием знаний о прошлом. Еще один выдающийся французский исследователь, автор концепции «мест памяти», Пьер Нора, предложил рассматривать монументы, памятники, архивы и другие материальные и нематериальные объекты в качестве резервуаров, сохраняющих прошлое [5, с. 17–50]. Эти «места памяти» также могут выступать предметами государственной политики, направленной на регулирование коллективной памяти общества. Следуя мысли авторов, коллективная память является предметом постоянного управления как со стороны государственных властей, так и со стороны независимых организаций, действующих в сфере политики памяти.

В контексте Восточной Европы исследования политики памяти региона начались вскоре после крушения социалистического лагеря. Фокус внимания авторов был направлен преимущественно на завершающий этап посткоммунистической трансформации, связанный с осмыслением гражданами восточноевропейских стран событий XX в., созданием институтов национальной памяти и дискуссиями о травматическом прошлом. В то же самое время инструментализация прошлого во время антикоммунистических революций интересовала исследователей в гораздо меньшей степени.

Марк Крамер, анализируя коллективную память польского общества в период транзита, обратил внимание на те трудности, с которыми столкнулись все политические силы во время посткоммунистической трансформации [11, р. 385–423]. Исследователь утверждает, что «темные страницы польской истории», связанные с участием поляков в уничтожении евреев, входят в противоречие с виктимизирующей мемориальной парадигмой, в которой польское общество представляется жертвой коммунистического режима. Это означает, что один из ключевых общеевропейских дискурсов, связанных с Холокостом, не мог быть принят новыми польскими элитами даже после демократизации государства. Схожую оценку коммеморативным трендам на территории постсоциалистической Польши дал Роберт Траба [4]. Автор заявил об отсутствии конвенционального диалогового пространства в среде представителей польской академической сферы, политиков и общественных деятелей при осмыслении драматических событий XX в. Р. Траба акцентирует внимание на дискуссии о «массовых убийствах евреев в городке Едвабне в 1941 г.», которая состоялась в Польше в 2000-х гг. Хотя в ней и принимали участие представители многих европейских государств, она не повлекла за собой дальнейших последствий, связанных с реформированием дискурсов о прошлом. Автор замечает, что отсутствие заинтересованности польских элит в проработке травматического прошлого, привело к утверждению в стране «новой исторической политики», основанной на неоконсервативной национальной идеологии, в рамках которой критическое отношение к прошлому не приветствовалось самим обществом [4, с. 60–64].

Вопрос о месте «войн памяти» в восточноевропейском мнемоническом ландшафте был рассмотрен Евгением Финкелем [9]. Автор утверждает, что после распада социалистического лагеря Восточная Европа превратилась в пространство, внутри которого происходит «поиск потерянного геноцида». Е. Финкель указывает на то, что после 1989 г. политика памяти целого ряда восточноевропейских государств была направлена на репрезентацию своих прошлых страданий в качестве «геноцида» [9, р. 66]. Элиты, возникшие после

крушения соцлагеря, стремились использовать исторический нарратив о жертвах коммунизма в качестве одного из компонентов национального строительства. Как известно, конструирование национальных нарративов подразумевает включение в них образа «чужого», которым для большинства государств Восточной Европы является Россия. Это и приводит к конфронтации в сфере политики памяти. Как и предыдущие исследователи, он соглашается с тем, что восточноевропейская коммеморативная политика, выстроенная таким образом, препятствовала обретению постсоциалистическими государствами устойчивых позиций в общеевропейском нарративе, суть которого заключалась в принятии ответственности за прошлое.

Российские исследователи несколько иначе смотрели на события, разворачивающиеся в мемориальном пространстве Восточной Европе в 1980–1990-е гг. Так, Николай Эппле описывает переговоры между властями Польской Народной республики и профсоюзом «Солидарность» в качестве «примера компромиссного переходного механизма», где основной задачей сторон являлась не проработка собственного прошлого, а «решение текущих неотложных проблем» [7, с. 230]. В то же время автор отмечает неоднозначную коммеморативную стратегию первого премьера посткоммунистической Польши Тадеуша Мазовецкого, заявившего о необходимости в «проведении жирной черты между настоящим и прошлым» [7, с. 230–231]. Н. Эппле полагает, что ключевой особенностью политики памяти в Польше являлась «культивация образа жертвы внешних сил», при которой любой дискурс о прошлом выстраивался в парадигме защиты от внешнего врага [7, с. 253]. Можно сказать, что отчасти именно это долгое время и не позволяло посткоммунистическим польским правительствам реализовать умеренно универсалистскую политику в области коллективной памяти.

Алексей Миллер справедливо указывает на специфику становления восточноевропейских национальных нарративов, внутри которых «роль главной жертвы» была закреплена именно за титульной нацией, а кульминацией повествования являлось «страдание», полученное от коммунистического угнетения [1, с. 112]. Отчасти продолжая мысль Е. Финкеля, автор также акцентирует внимание вокруг образа жертвы, замечая, что распад социалистического лагеря сопровождался «экспортом вины», при котором восточноевропейские правительства перекладывали ответственность за собственное прошлое либо на своих предыдущих союзников, как в случае с Венгрией, выступавшей в годы Второй мировой войны на стороне нацистской Германией, либо на коммунистические правительства собственных стран [1, с. 116]. Стоит заметить, что такой подход

кардинальным образом противоречил складывавшемуся в 1990-е гг. общеевропейскому нарративу, в котором гражданам Европы было предложено думать о собственной ответственности, олицетворением которой являлся Холокост. Можно видеть, что до сих пор исследовательская оптика была направлена на дебаты о прошлом в хронологический период, охватывающий завершающую фазу транзита. Нам представляется, что формирование восточноевропейских национальных нарративов в латентном виде происходило с начала 1980-х гг. Именно в противостоянии между коммунистическими правительствами и будущими элитами закладывались основные нарративные конструкции, которые использовались на этапе национального строительства до и после 1989 г.

Надо полагать, что проблема видоизменения мемориального пространства Восточной Европы в период конфронтации 1980-х гг. может быть рассмотрена в связи с теорией «режимов памяти», предложенной Майклом Бернхардом и Яном Кубиком [8, р. 11]. Исследователи обратили внимание, что тип «режима памяти» напрямую связан с политическим режимом и обусловлен включенностью мнемонических акторов в процессы коммеморации. Их они определили как «политические силы, выступающие за собственную интерпретацию прошлого» [8, р. 13–16]. Авторы выделяют несколько типов мнемонических акторов, обуславливающих конфигурацию «режима памяти»:

1. «Мнемонические воины» - акторы, представляющие свой взгляд на прошлое в качестве неоспоримой истины. Их самоидентификация основывается на антагонизме по отношению к соперникам, чьи нарративы они пытаются подвергнуть сомнению;
2. «Мнемонические плюралисты» – признают легитимность конкурирующих нарративов и коммеморативных практик, а также готовы к дискуссии с противоположной стороной, но только в рамках конвенциональных основ мнемонической политики;
3. «Мнемонические отступники» – отказываются от участия в политике памяти, не вступая в конфликты с соперниками.
4. «Сматривающие в будущее» – особый тип мнемонических акторов, коммеморативные практики которых конструируются на основании онтологической убежденности в «знании будущего», а не прошлого. По мысли исследователей, являются наиболее агрессивными из акторов, вместе с тем, их наличия в государствах Восточной Европы отчетливо не прослеживается.

Соотношение описанных сил, участвующих в коммеморативных практиках об определенном периоде прошлого, определяет доминирующий вектор политики памяти. М. Бернхард и Я. Кубик предложили такой способ классификации акторов для изучения коммемораций двадцатилетия падения социалистических режимов в Восточной Европе.

Нам представляется, что обозначенная теоретическая рамка обладает неоспоримым эвристическим потенциалом для исследования начальной стадии посткоммунистической трансформации в восточноевропейском мемориальном пространстве.

Конечно, в данном случае мы не сможем в полной мере рассуждать о формировании национальных нарративов, поскольку идентичностные императивы в 1980-е гг. еще не были распространены в среде основных акторов, участвующих в борьбе за власть в странах соцлагеря. В этой связи наиболее уместным для последующего осмысления проблемы представляется концепт «контр-памяти», предложенный французским философом Мишелем Фуко [10]. Рассматривая память как разновидность дискурсов, благодаря которым прошлое находится в процессе перманентного обсуждения и переосмысления, М. Фуко заявлял о существовании альтернативных исторических нарративов, противоречащих господствующему коммеморативному тренду [10, р. 152–154]. Если один из существующих дискурсов о прошлом становится господствующим, то внутри сообществ, представители которых по тем или иным причинам не способны массово распространять собственные дискурсы, появляется «контр-память», вызванная ответной реакцией на «историческую несправедливость» в отношении памяти о том или ином сюжете прошлого. Словом, основной задачей «контр-памяти», по мнению автора, является подрыв конвенциональных нарративов с последующей заменой их собственной версией прошлого. Такие практики мы можем видеть и в дискурсах польской «Солидарности», заявлявшей в 1980-е гг. о необходимости отмены социалистических годовщин и праздников, и в других восточноевропейских нарративах начального этапа посткоммунистической трансформации. Сочетание теории «режимов памяти» и концепта «контр-памяти» позволяет нам более глубоко понять те процессы, которые привели к установлению паттерна политики памяти, главенствующего в дискурсах восточноевропейских правительств после крушения социалистического лагеря. Оба этих концепта могут быть использованы для изучения мнемонической деятельности конкурирующих акторов на начальном этапе формирования национальных нарративов.

По отношению к Восточной Европе теории коллективной памяти могут быть использованы в тесной взаимосвязи с концептом «демократического транзита». Исследования «транзитологии», применительно к постсоциалистическому пространству, начались в 1990-е гг. и были сосредоточены вокруг ограниченного круга проблем: рыночных реформ, изменением структуры политических режимов, преодолением авторитарных и тоталитарных пережитков в новых демократических обществах [2, с. 69–70]. Сам распад социалистического лагеря ознаменовал переход к новому этапу исследований транзитов, в рамках которого осмыслялось крушение коммунистических режимов в странах социа-

листического лагеря. Особое внимание в работах уделялось теории неоинституционализма, при которой исследовательская оптика была сосредоточена на влиянии неформальных и формирующихся институтов на демократический транзит [15]. Это означало то, что изучались не только устоявшиеся институты, вроде представительских органов власти, но и неформальные организации – профессиональные союзы, диссидентские сообщества и другие общественные структуры в их динамике развития. Восточноевропейские национальные нарративы, структурные характеристики которых закладывались оппозиционными по отношению к властям учеными, политиками и интеллектуалами, не только являлись самостоятельной ценностью, но и сами стимулировали действия людей, принимающих участие в конфронтации. Они выполняли мобилизационную функцию, выводя людей на центральные площадки восточноевропейских городов в 1989 г. Словом, именно такая рамка, в нашем случае акцентированная на коллективной памяти, может позволить более четко рассмотреть «режимы памяти» во время посткоммунистического транзита. Описанная исследовательская оптика дает возможность исследовать коммеморативные практики противоборствующих сторон в период эскалации конфликтов между коммунистическими властями и будущей элитой, участвующей в процессе демократического транзита.

Любую трансформацию следует рассматривать как надлом не только в экономической, политической и социальной сфере, но и как кризис устоявшихся дискурсов о прошлом. События, охватившие Восточную Европу в 1980–1990-е гг., нанесли удар по конвенциональным историческим нарративам и существенным образом повлияли на коллективную память граждан региона. Более того, общеевропейский нарратив, частью которого захотят стать восточноевропейские государства, окончательно сформируется лишь в 2000-е гг., вместе с расширением Европейского Союза. При этом в самый активный период посткоммунистической трансформации, имманентной чертой которой являлась политическая турбулентность, мы можем видеть попытки конструирования национальных нарративов в их зачатке – именно тогда вырабатывались те формы и содержания, с помощью которых описывалось мемориальное пространство Восточной Европы.

Таким образом, процесс видоизменения коллективной памяти восточноевропейского региона в контексте крушения социалистического лагеря

до сих пор рассматривался ученым преимущественно с точки зрения коммемораций, проводимых уже независимыми правительствами. Одни исследователи указывали на трудности в проработки собственного прошлого, с которыми столкнулись формирующиеся в транзитный период власти постсоциалистических стран. К ним относятся и ответственность за преступления коммунистических режимов, и участие граждан в Холокосте, и неготовность принять общеевропейскую культуру памяти, внутри которой жертвенность собственного народа должна была уступить место признанию вины за определенные периоды прошлого. Другие авторы обращали внимание на поиски внутреннего и внешнего «чужого», необходимого для формирования нарративов национальной идентичности. Представители такого подхода утверждали, что поиск врагов, легитимирующих нарратив, имел конфликтный характер, неизбежно стимулирующий войны памяти. Нам удалось показать, что изучение коллективной памяти восточноевропейского региона требует от исследователей методологической конвергенции подходов и теорий, связанных с коллективной памятью и транзитологией. Стержневые аспекты демократического транзита, в рамках которого были заложены идеи будущих национальных нарративов, формировались с начала 1980-х гг. и обрастали новыми смысловыми значениями в ходе конфронтации между демократическими силами и коммунистическими правительствами. Видоизменения «режимов памяти» происходило в условиях политической турбулентности, задавшей основу для адаптации деятельности акторов, отстаивающих собственную версию прошлого.

Исследования демократического транзита в восточноевропейских государствах может, вероятно, способствовать более глубокому пониманию тех коммеморативных трендов, которыми сегодня охвачены страны, получившие свою независимость в результате крушения социалистического лагеря. Как мы увидели, сегодня это исследовательское поле находится на пути поиска новых методологических ориентиров, способных задать теоретическую рамку для осмысления всевозможных частных кейсов. Это свидетельствует о том, что «призраки прошлого», охватившие территорию Восточной Европы, не перестанут привлекать внимание исследователей еще долгое время.

Список литературы

1. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. №1 (80). С. 111–121.
2. Мюллер Р., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистических трансформаций // *Социологические исследования*. 2002. № 9. С. 67–82.
3. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев: Б. К. Фукс, 1902. С. 87–101.
4. Траба Р. Польские споры об истории в XXI в. // *Pro et Contra*. 2009. Т. 13. № 3–4 (46). С. 43–64.
5. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Д. Хапаева. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 325 с.

6. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 (40–41). С. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 16.04.2022).
7. Эппле Н. Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
8. Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press, 2014. 384 p.
9. Finkel E. In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe // Global Society, 2010. Vol. 24, no. 1. P. 51–70.
10. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / ed. by F. Donald. Bouchard. Ithaca: Cornell University Press, 1988. P. 139–164.
11. Kramer M. Public memory and the difficulty of overcoming the communist legacy // Piffer T., Zubok V. Totalitarian societies and democratic transition: essays in memory of Viktor Zaslavsky. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 385–423.
12. Memory and theory in Eastern Europe / Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.
13. Mink G., Neumayer L. Introduction // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe. Memory Games / ed. by G. Mink, L. Neumayer. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–20.
14. Rosenberg T. The Haunted Land. Facing Europe's Ghosts after Communism. New York: Vintage, 1995. 437 p.
15. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.

References

1. Miller A.I. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati (Politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture of memory) // Politiya. 2016. No. 1 (80). P. 111–121. (In Russian).
2. Myuller R., Pikel' A. Smena paradigm postkommunisticheskikh transformatsii (Paradigmatic change of post-communist transformation) // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. No. 9. P. 67–82. (In Russian).
3. Renan E. Chto takoe natsiya? (What is a nation?) // Renan E. Sobranie sochinenii In 12 Vols / ed by V.N. Mikhailovskii. Vol. 6. Kiev: Fuks publ., 1902. P. 87–101. (In Russian).
4. Traba R. Pol'skie spory ob istorii v XXI v. (Polish disputes about history in the 21st century) // Pro et Contra. 2009. Vol. 13. No. 3–4 (46). P. 43–64. (In Russian).
5. Frantsiya-pamyat' (France memory) / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyumezh, M. Vinok / translated by D. Khapaev. St. Petersburg: SbBSU publ, 1999. 325 p. (In Russian).
6. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' (Collective and historical memory) // Neprikosnovennyi zapas. 2005. No. 2 (40–41). P. 8–27. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed: 16.03.2022). (In Russian).
7. Epple N. Neudobnoe proshloe: pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugih stranakh (An Inconvenient past. Memory of state crimes in Russia and other countries). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 576 p. (In Russian).
8. Bernhard M., Kubik J. Twenty Years after Communism: The Politics of Memory and Commemoration. New York: Oxford University Press, 2014. 384 p.
9. Finkel E. In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe // Global Society, 2010. Vol. 24, no. 1. P. 51–70.
10. Foucault M. Nietzsche, Genealogy, History // Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews / ed. by F. Donald. Bouchard. Ithaca: Cornell University Press, 1988. P. 139–164.
11. Kramer M. Public memory and the difficulty of overcoming the communist legacy // Piffer T., Zubok V. Totalitarian societies and democratic transition: essays in memory of Viktor Zaslavsky. Budapest; New York: CEU Press, 2017. P. 385–423.
12. Memory and theory in Eastern Europe / Eds. U. Blacker, A. Etkind, J. Fedor. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 279 p.
13. Mink G., Neumayer L. Introduction // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe. Memory Games / ed. by G. Mink, L. Neumayer. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–20.
14. Rosenberg T. The Haunted Land. Facing Europe's Ghosts after Communism. New York: Vintage, 1995. 437 p.
15. Thelen K. Historical institutionalism in comparative politics // Annual review of political science. Palo Alto, Calif., 1999. Vol. 2. P. 369–404.

Сведения об авторах

Апрыщенко Виктор Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель направления, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета / victorapr@sfnu.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Мартыненко Михаил Александрович – аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета / mihmar@sfnu.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Б. Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Apryshchenko Viktor Yu. – Doctor of History, professor, Academic supervisor for humanities, Institute of History and International Relations, Southern Federal University / victorapr@sfnu.ru

The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Martynenko Mikhail A. – Postgraduate Student, Institute of History and International Relations, Southern Federal University / mihmar@sfnu.ru

The address: 105/42, st. B. Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.